

Метафизика размера (Чтение «Раздела размера» из «Падартха-дхарма-санграха» Прашастапады с комментарием «Ньяякандали» Шридхары¹)

Удав, герой популярного детского мультфильма, задумался как-то над тем, какого он роста. В этом озадаченном «философском» состоянии его застали мартышка, слон и попугай. После небольшой дискуссии друзья согласились с идеей попугая измерить рост удава сначала «попугаями» (длиной попугая), затем «мартышками» и наконец «слонами». Оказалось, что искомая длина удава равняется либо 36 «попугаям», либо 5 «мартышкам», либо 2 «слонам». Вот прекрасная модель ситуации измерения, наглядно показывающая, что оценка величины какого-либо предмета предполагает принятие некоей единицы меры и подсчет этих единиц.

Жизнь в обществе требует от людей выработки точных «мер вещей» (длины, объема, веса и т.п.), но сама вещь не содержит в себе единиц своего измерения – удава нельзя измерить «удавами». Поэтому меру приходится искать в других вещах – пока люди не пришли к единой системе мер, они часто пользовались «телесными» единицами – стопами, руками, локтями и т.д.

Но представим, что герои мультфильма поступают иначе. Допустим, мартышка, чтобы объяснить удаву, какого он роста, говорит: «Ты – длинный, попугай – короткий», или «Слон – большой, а попугай – маленький». Такие контрастные характеристики тоже создают некое представление о росте или о величине – более относительное, релятивное и к тому же не связанное с подсчетом единиц измерения.

Именно на подобных представлениях строится концепция измерения, или оценки меры вещей, школы вайшешика, классический автор которой Прашастапада (6 в. н.э.) изложил ее в специальном «Разделе размера» своего труда «Собрание характерис

тик категорий», или «Комментарии Прашастапада» («Прашастапада-бхашья, далее ПБ). В ее основе – противопоставление большого и малого, длинного и короткого. Отдавая себе полный отчет в относительности самого процесса измерения, который всегда требует каких-то принятых условно единиц, вайшешики – и об этом следует постоянно помнить – создавали последовательную метафизическую и реалистическую систему, в которой величине и ее мерам отводилась определенная и, как мы увидим, довольно значительная роль.

Для начала разберемся с переводом соответствующих санскритских терминов на русский язык. Основная трудность заключается в отсутствии прямых семантических параллелей между русским словарем для описания измерения и санскритским. Термин *parimāna* от глагольного коря *mā* – «мерить», «измерять», можно было бы перевести такими словами, как «мера», «измерение», «размер» (все они связаны с соответствующим русским корнем «мерить»), но «мера» ассоциируется в русском языке с единицей измерения, что не соответствует санскритскому термину *parimāna*, который такой единицей никак не является. «Измерение» – означает не только результат, но и процесс (в вайшешике для последнего есть термин *māna*). «Размер» подходит, пожалуй, больше, но мы привыкли употреблять его в притяжательных конструкциях – размер есть всегда размер чего-то, а у вайшешиков, хотя *parimāna* есть одно из качеств субстанции, она часто используется вне притяжательных сочетаний просто как величина *per se*. Впрочем, слово «величина», хотя и используется в этом нейтральном абстрактном смысле, не является безоговорочно приемлемым – оно часто ассоциируется с чем-то большим, великим. Кроме того, если мы переведем *parimāna* как «величину», возникает проблема передачи терминов для обозначения одного из видов *parimāna* – *mahat* (прилагательное «большой», «великий»), а также соответствующей универсалии, или класса *mahatva* (абстрактное существительное от *mahat*), ведь и *mahatva* можно перевести как «величина» – нерегулярное абстрактное существительное от прилагательного «большой»). Ясно, что в такой ситуации перевод нуждается в специальных уточнениях. Термин «*parimāna*» я буду переводить как «размер», «махат» как «большой», а «махатва» – как «великость» (в редких случаях «величина»).

Надо сказать, что тема размера в «базовом тексте» вайшешики – «Вайшешика-сутрах» лишь скупо намечена. Подлинная концепция разворачивается только на страницах ПБ.

Метафизический пафос чувствуется буквально с первой строки: **[148] Размер – [это] причина практики измерения.** Значит – не практика измерения создает размер, а размер – практику измерения. Причем, определение размера вещи, измерение вообще не связаны в сознании вайшешиков с количественной оценкой, подсчетом единиц меры, это вовсе не арифметическая процедура (как для героев нашего мультфильма и современного человека). Для вайшешиков размер, или величина, – это изначальное и неотъемлемое качество абсолютно всех субстанций², а не нечто субъективное, зависимое от единиц измерения. Вместе с тем это общее качество не специфицирует ни одну из них (как запах землю или вкус воду). Мы не можем, опираясь только на размер субстанции, определить – с какой из них имеем дело.

«Практика» – это мой перевод термина *vyavahāra*, который в данном контексте имеет явные лингвистические коннотации. Речь идет – и это подтверждает Шридхара – не только о самой практике измерения, но и об употреблении соответствующих слов и понятий. Заметим, что в числе последних мы не найдем обозначений, принятых в те времена мер величины, количеств. То, что называет Прашастапада – это скорее квази-качественные (алгебраические, а не арифметические) характеристики – «большой», «малый», «длинный», «короткий». Они-то и выступают обозначениями четырех классов размеров.

Может показаться, что такая классификация, хоть и не «математична», тем не менее отражает стремление вайшешиков отделить линейные меры («длинный» и «короткий») от «объемных» (кубических). Но когда перед Прашастападой встает вопрос: чем мотивируется выделение «длинного» и «короткого» в отдельные классы – он, как мы можем убедиться по тексту, не ссылается ни на какие реальные и поддающиеся исчислению характеристики вещей, а опять приводит чисто «лингвистический», а точнее, «семантический» аргумент – раз в словесной практике существуют такие слова как «длинный» и «короткий», должны существовать и аспекты реальности, которые они обозначают. Каковы конкретно эти аспекты для него, как видно, не столь важно, как сам факт их существования и соответствия словам (принцип корреспонденции).

Первые два класса париманы имеют две разновидности – вечную и не вечную, определяемые по характеру их субстратов. Вечным субстанциям соответствуют вечный размер, не вечным – не вечный. Размеры вечных субстанций образуют своего рода полюса – с одной стороны, предельно малый (ану) размер атомов, обозначаемый техническим термином *parimāñḍala* («сферический»), с другой – предельно большой размер (*paramahat*) всепроникающих субстанций акаши (эфира, пространства), времени, направления и атмана (души).

Индийский исследователь С.Бхадури переводит термин *paramahat* как «бесконечно большой» – «бесконечную протяженность» (Бхадури 1947:117). Мне это кажется анахронизмом. В системе представлений вайшешики нет места для идеи бесконечности в европейском ее понимании (ни в сторону увеличения, ни в сторону уменьшения величин). Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что при описании чисел Прашастапада упоминает не только самое малое число (единицу), но и самое большое – *парардху*³. Но если число имеет не только нижний, но и верхний предел, это верный показатель того, что и другие «количественные» или квази количественные характеристики тоже могут иметь свои пределы. И пусть идея величины никак не связана с количественным измерением, это вовсе не значит, что вайшешики понимали *парамахат* как нечто бесконечно большое. Да, эта величина не поддается оценке в человеческих мерах, но из этого не следует, что она содержит бесконечные градации в сторону своего увеличения.

Она не поддается человеческой оценке, поскольку невоспринимаема органами чувств, а невоспринимаема не потому что бесконечно велика, а потому что присуща субстанциям, в которых отсутствует одно из важнейших условий воспринимаемости по вайшешике: цвет и составленность из частей⁴. Именно эти свойства субстанции-субстрата, а не какая-то количественно определенная протяженность или градация величины, делает его невоспринимаемым.

То же самое и в отношении предельно малого размера – величины атомов, диад и манаса. Она, как мы увидим, вообще не содержит никаких градаций малого, оттого достаточно распространенный перевод *paramānu* (буквально, «предельно малый») термином *infinitesimal* – бесконечно или неопределенно малый – тоже неприемлем. И *парамахат* и *параману* – это предельные величины с разных сторон шкалы размеров.

С моей точки зрения, именно эти вечные величины устанавливают некую абсолютную систему мер, некий объективный и неизменный масштаб измерения. Эта система или этот масштаб – вне всякой практики: ими нельзя производить практические измерения, – но тем не менее они служат метафизической опорой всем относительным эмпирическим мерам, находящимся посередине шкалы, в той части «спектра», который доступен чувственному восприятию.

Относительное, с точки зрения вайшешиков, никогда не существует само по себе, оно неизменно указывает на существование абсолютного. Эта логика демонстрирует и вся вайшешиковская теория размеров.

В классах малого и большого размеров выделяется и другая разновидность – невечно (anitya) малая, с одной стороны, и невечно большая, с другой. Однако между ними существует принципиальная разница. Если невечно большая содержит многочисленные градации – от самых маленьких до самых крупных вещей, то класс невечно малой состоит из одного единственного индивида – это величина, количественно неотличимая от вечной предельно малой (параману). Между ними существует только одно отличие – первая принадлежит невечным субстанциям в форме диад, вторая – вечным атомам.

Получается, что отдельный атом и диада имеют одинаковый размер. Разве это не странно? Ведь, если рассуждать логически, то складывая две малые величины, мы получаем большую. Но, как я уже говорила, логика вайшешиков не «выверяется» арифметическим законом. Раскрывает ее нам Шридхара в своем комментарии. С его точки зрения, сложение двух одинаковых качеств дает увеличение степени данного качества. Если мы сложим две «больших» величины, у нас будет третья еще «большая» величина, бесспорно большая, чем предыдущие. Но сложение двух малых величин дает увеличение не величины, но малости. Значит, размер диады должен быть меньше (!) размера отдельного атома. Но это недопустимо, раз уж мы признали, что размер атома является *предельно* малым (концом шкалы величин со стороны «малости»). Поэтому диада обладает той же величиной, что и атом, только невечной, поскольку составлена из частей – размеров двух атомов. Но коль скоро величина диады не определяется размерами двух атомов, то она определяется их числом (число, по Прашастападе, является одной из порождающих причин размера): **«А число два, существующее в двух атомах, порождает малость в диаде».**

Таким образом, принципиальная разница между просто малым и просто большим (а не предельно большим) размерами заключается в том, что первый невоспринимаем, второй же, напротив, воспринимаем органами чувств. Именно «великость», или доступная чувствам величина (*mahatva*), наряду с цветом, составленностью из частей и т.п., является одним из важнейших условий воспринимаемости объектов. Все, что мы можем видеть и соответственно подвергать измерению, находится в пределах только одной части шкалы, соответствующей не вечному большому (*махат*).

Строго говоря, мы должны были бы называть все вещи «махат» («большие» или «великие»). Но в практической жизни мы пользуемся не только понятием большого, но также и понятием малого. Значит ли это, что наше понятие малого (*ану*), в действительности, относится к «большим» вещам (*махат*)?

Об этом следующая фраза Прашастапады: [152] **В отношении цветка голубого лотоса, мираболана, бильвы⁵ и т. п., хотя [все они] и обладают большим размером, [тем не менее] в зависимости от наличия или отсутствия превосходства в этом (размере), [понятие] малости употребляется [в их отношении] в фигуративном смысле.**

Если последовательно сравнить три предмета: цветок голубого лотоса, плод мираболана и бильву, то мы увидим, что мираболан меньше бильвы, а лотос меньше мираболана. Стало быть, в первой ситуации сравнения, мы употребим понятие малого по отношению к мираболану, а во второй – по отношению к цветку голубого лотоса. Прашастапада утверждает, что в этом случае слово «малый» используется в фигуративном, косвенном, непрямом или относительном смысле (*bhāṅkta*). Прямым же смыслом этого слова остается только невоспринимаемый, но абсолютный в метафизической плоскости размер атома и диады. В мире же воспринимаемых вещей малость (*aputva*) может быть только лишь относительной, всегда зависимой от сравнительной оценки более, чем одной величины в воспринимаемой органами чувств части шкалы мер.

Выражение: **в зависимости от наличия или отсутствия превосходства в этом (размере)** надо понимать так – понятие малости в ситуации сравнения используется в том случае, если величина одной сравниваемой вещи больше или меньше величины другой, то есть, если мы непосредственно наблюдаем разницу величин некоторого количества вещей. Я подчеркиваю: *наблюдаемая*, поскольку речь идет не о каких-то точных оценках с помощью измерения величины двух вещей, а только о разнице, которая буквально бросается в глаза.

Длина и короткость не имеют двух разновидностей – вечной и не-вечной, как малый и большой размеры⁶. По утверждению Прашастапады, эти размеры присущи только произведенным субстанциям: длина – всем вещам, начиная с триад, короткость – только диадам. Стало быть, короткость, как и малость, лежит за пределами нашего обычного зрения.

Вместе с тем, употребление понятия короткости и слова «короткий» в отношении самых обычных воспринимаемых вещей, как показывает практика, тоже имеет место; Прашастапада объясняет его, прибегая к прямой аналогии с иноказательным употреблением понятия малости: **В отношении полена для разжигания огня, сахарного тростника, бамбука и т.п., хотя в действительности [они] длинные, [тем не менее] в зависимости от присутствия или отсутствия превосходства в этом (длине), [понятие] короткости употребляется [в их отношении] во вторичном смысле.**

Если рассматривать «произведенный», то есть не вечный размер, то, как и всякая другая «сделанная» вещь, он рожден из чего-то и с помощью чего-то, то есть, на языке вайшешики, имеет свои причины (присущую и инструментальную). Этими причинами, по Прашастападе, являются число, величина и особый вид соединения конституирующих причин, который называется прачая (prasaṃyā) – агломерация, свободное соединение, или слабое соединение. Эти причины могут действовать как в одиночку, так и сочетаясь друг с другом.

В образовании обычных вещей, например, горшка, ткани и т.п. «задействованы» все три способа, например, размер двух кусков ткани может различаться за счет величины нитей, свободных промежутков между ними и за счет их числа. Однако в начале творения мира участвует только последний из них – увеличение числа. Почему? Прашастапада считает, что в начале творения мира первый способ не действует – атомы, существующие в несвязанном состоянии, не могут произвести вещи, ибо их размер *ану* непродуктивен – при сложении он может произвести только другой размер *ану*. Второй способ также невозможен – между атомами в диаде – первом продукте соединения атомов – нет свободных промежутков.

Более изощренную аргументацию развивает Шридхара в комментарии к «Разделу земли» ПБ. Он утверждает, что единственный атом не может быть «продуктивным», в противном случае следствия производились бы вечно и являлись бы неразрушаемыми. Комбинация из трех атомов, будучи воспринимаемой и состав

ной, сделана из частей, которые, в свою очередь, должны сами быть чем-то произведенным. Поэтому ее «частями» будут не отдельные атомы, а лишь диады, являющиеся первыми продуктами атомов. Наконец, две диады тоже не годятся для роли «кирпичиков мироздания», поскольку минимальное множество⁷ (*bahutva*) образуется не числом «два», а числом «три». В результате, эту роль могут выполнять только триады, состоящие из трех диад.

Теперь прочтем внимательно текст ПБ: **[156] Из них (трех способов образования размера) множественное число, возникшее в конечных атомах и диадах в зависимости от мысли Ишвары, производит в созданных ими [атомами и диадами] субстанциях-следствиях величину и длину одновременно с возникновением цвета и т.п. (качеств).**

Под **множественным числом** имеется в виду «три», но как известно из «Раздела числа» ПБ, числа, начиная с двойки, являются *апекшабуддхи* (*apekṣabuddhi*), то есть зависимыми от «соотносительного познания». В начале творения мира есть только одно мыслящее и познающее существо – Ишвара, поэтому образование диад и триад из отдельных атомов обязано его познающему интеллекту. Но насколько обязано? Создает ли Ишвара эти соединения или же просто подсчитывает то, что создается само? Учитывая общую теорию *сришти* Прашастапады («творения мира⁸) и ту роль, которую играют в нем *адришты* (буквально, «невидимое») – кармические потенции душ⁹, я бы сказала, что верно скорее второе. Вряд ли Ишвара сам привносит в творение определенные нумерические схемы. Скорее, он просто «считывает» то, что создано с помощью адришт, воплощающих в своей сумме весь предшествующий человеческий опыт. Но Шридхара показывает себя более теистически последовательным мыслителем – он укореняет адришту в мысли Ишвары: «Число три, зависящее от мысли Ишвары, имеет источником своей устойчивости адришту, его уничтожение следует из уничтожения адришты, а последнее не может быть обязано разрушению субстрата адришты – мысли Ишвары, ибо она вечна».

Число три порождает в субстанции-следствии, состоящей из трех диад и имеющей форму триады, величину и длину, **одновременно с появлением цвета и т.п. качеств.**

Значит ли это, что тройка создает также цвет и другие подобные качества или порождение величины и длины просто совпадает с появлением этих качеств? И Прашастапада и Шридхара выражаются осторожно, так, что их можно скорее понять во втором

смысле – иначе нарушается стройная теория о вечности качеств атомов: если цвет и т.п. качества появляются только в триаде, значит, они не были присущи атомам изначально и оттого не являются вечными. Но вместе с тем, согласно вайшешикам, цвет и величина являются условиями воспринимаемости, поэтому, если бы цвет принадлежал отдельным атомам, то они вполне могли бы восприниматься чувственно, но этого не происходит.

Чтобы избежать обеих ловушек – невечности качеств атомов и воспринимаемости качества цвета, а значит, и атомов – остается склониться к следующей гипотезе: цвет, вкус, запах и температура не появляются, а скорее «проявляются» в триадах, то есть переходят из гипотетического невоспринимаемого состояния в реальное воспринимаемое. Тем самым мы сохраняем вечность качеств атомов и не нарушим принципов воспринимаемости. Хотя идея «проявления» или перехода чего-то из латентного состояния в актуальное свойственна скорее санхье с ее представлениями о причинной связи как о «проявлении» в следствии подспудно «заложенной» в нем причины, такой ход мысли не исключен и для вайшешиков (например, у Прашастапады среди условий чувственного восприятия вещи упоминается наличие «проявленного» цвета – *udbhūta-ūparakāśa*).

Далее Прашастапада рассматривает случаи, когда субстанции с одинаковым числом частей, имеют разную их величину. Если величина частей одной субстанции больше величины частей другой, то и размер первой будет, соответственно, большим. В этом случае причиной превосходства в размере у первой субстанции станет не число, а величина составляющих частей.

Две субстанции, имеющие одинаковое число и равную величину частей, могут различаться по характеру соединения этих частей. Одно дело, когда части плотно прилегают друг к другу, иное – когда между ними имеются промежутки. Вайшешики называют этот тип соединения *прачая* – агломерация или неплотное соединение и рассматривают его на примере ватных шаров: [157] **Что касается агломерации (ргасауа), существующей в случае двух ватных шаров (рiṅḍа), то в двойном ватном шаре [она] порождает величину, а не множество и величину, поскольку либо зависит от неплотного (свободного) соединения частей, образующих шар, либо определяется [плотным] взаимным контактом частей [каждого из шаров] ваты.**

Стало быть, размер, который мы воспринимаем, определяется не только числом или величиной частей, составляющих вещь, но и зависит от характера – фактуры (плотности) ее материала.

Ватный шар, имеющий меньшее число составляющих волокон, чем, скажем, шарик, скатанный из плотных ниток, будет обладать превосходящим размером по сравнению с последним только благодаря промежуткам между частями. О том, что эти промежутки тоже чем-то заполнены (воздухом или акашей) вайшешики специально не задумывались. Но, как мы видим из следующего предложения, они задумывались о весе: **Ибо наблюдается превосходство [в размере одной субстанции], порожденной числом, весом (раа) и величиной частей, одинаковыми [с числом, весом и величиной частей другой субстанции]**. Судя по этому отрывку, Прашастапада не связывает вес и размер никакими причинными отношениями, это подтверждает и Шридхара в своем комментарии.

Длина и короткость, являющиеся порожденными, а стало быть, невечными величинами, тоже должны рассматриваться как причинно обусловленные. Короткость, присущая, как известно, только диадам, порождается лишь одной причиной – числом два, поскольку составляющие ее атомы не имеют ни величины, ни промежутков. Что же касается длины, то она присутствует в вещах обычного большого размера, начиная с триады, и поэтому длина триады порождена, согласно Прашастападе, одновременно тремя причинами – величиной, числом и аггломерацией частей, то есть диад: **Возникновение длины в триадах и т.п., подобно [возникновению] величины, [обязано] числу, величине, аггломерации однородных причин (т.е. частей-атомов)**.

Стало быть, именно с триады и начинается «нормальное» образование длины одновременно тремя способами – сложением величин, числа частей субстанции и их свободным соединением. Хотя Прашастапада утверждает, что этот процесс идентичен процессу образования величины, мы находим между ними важные различия. В ПБ [156] вайшешик говорит совсем другое, а именно то, что длина и величина триады образуются из диад только числом три – ни величина, ни свободное соединение диад им не упоминаются. Кроме того, мы уже знаем, что диады, подобно отдельным атомам, не обладают ни величиной, ни длиной. Но, с другой стороны, нам известно, что именно триада является минимальным воспринимаемым продуктом, предельной единицей родовой идентичности вещи (например, сахар становится сахаром только на уровне триад, но на уровне диад – это еще нечто неопределенное). В этом своем качестве она непременно должна служить моделью «грубой» вещи в том числе и по способу образования своего размера.

Шриджара не замечает этой неувязки и никакой из оппонентов ему на нее не указывает. В другом месте (в комментарии к «Разделу земли») он отмечает, что составной частью триады могут быть только такие части, которые сами являются произведенными. Вечные атомы не подходят для этой роли, остаются только диады, но те обладают малостью и короткостью, а не величиной и длиной. Значит, ни о какой величине диад в качестве составляющих частей триады говорить нельзя. А это, в свою очередь, значит, что Прашастапада не совсем последователен в своих рассуждениях. Такая непоследовательность во многом объясняется тем, что его индийских оппонентов волнуют другие проблемы и он должен на них «оперативно» реагировать.

Например, они задают вопрос: чем, собственно, отличаются между собой длина и величина? Откуда такой вопрос? Шриджара поясняет, что некоторые мыслители считают длину и короткость разновидностями, соответственно, величины и малости, а не отдельными размерами. Если бы они были отдельными размерами, то, с точки зрения этих мыслителей, они не могли бы сосуществовать в одном субстрате, как два разных цвета в одной вещи. Шриджара отвечает «дежурным» аргументом, что сосуществование длины и величины подтверждается наблюдениями.

Какими же наблюдениями? Можно было бы ожидать, что вайшешики приведут примеры вещей, которые, будучи, например, длинными не являются при этом большими и наоборот. Или же – что было бы еще предпочтительнее для нашего современного понимания – попытаются определить разницу между длиной и величиной как следствие внутреннего устройства вещей¹⁰. Но мне уже не раз приходилось сталкиваться с тем, что аргументам от опыта «материального» наши авторы предпочитают аргументы от опыта скорее «вербального». Вот и здесь Прашастапада прибегает к подобному аргументу: мы не называем все большие вещи «длинными», а все длинные – «большими». Ввиду такого дифференцированного употребления понятий длины и величины им должны соответствовать отдельные классы размеров (принцип корреспонденции: словам должны соответствовать вещи).

Различие между короткостью и малостью представляет большую трудность, поскольку ни та, ни другая не наблюдаются непосредственно, поэтому то, что мы можем о них сказать, не обладает такой достоверностью как наши высказывания, основанные на наблюдении (в индийской мысли фундаментом всего достоверного познания считалось именно восприятие, которое обычно сводилось к зрению).

В такой «неверифицируемой» ситуации Праштапада может со- слаться только на свою последнюю «палочку-выручалочку» – особое йогическое восприятие. Именно йоги, обладающие сверхчувственными способностями, могут созерцать малость и короткость как отдельные сущности. Нам же, простым смертным, по утверждению уже Шридахры, остается уповать на косвенные методы – например, логический вывод (*анумана*). Симптоматично, что этот вывод тоже строится на лингвисти- ческих основаниях. Мы знаем, что понятия «малости» и «короткости» в отношении наблюдаемых вещей употребляются в косвенном, непер- вичном или фигуративном смысле. Так вот вывод отправляется именно от этого семантического факта: если известно, что эти понятия имеют фигуративный смысл, значит, они непременно должны иметь и прямой – малость атомов и диад и короткость диад, то есть относительное с необходимостью доказывает существование абсолютного, косвенное – прямого.

[160] Эти четыре вида продуктивны, они претерпевают разруше- ние только по разрушению их субстрата. С точки зрения вайшешики, «продуктивность» (*ārambhakatva*) свойственна только не вечным, про- изведенным субстанциям. Если бы вечные атомы обладали продуктив- ностью, то, как показывает Шридахра, эта способность присутствовала бы у них всегда и везде, и вселенная превратилась бы в бесконечную пролиферацию продуктов, которые – в силу вечности составляющих их атомов – тоже были бы вечными. Чтобы исключить столь абсурдную ситуацию, необходимо признать, что любой произведенный предмет рано или поздно должен разрушиться. Стало быть, произведенная суб- станция является с неизбежностью составной (*avaavāṇ*) – чтобы было на какие части распадаться при разрушении. Когда Праштапада говорит о четырех «продуктивных» размерах, он имеет в виду только не вечные размеры – большой, малый (размер диады), длинный и короткий. Раз- меры не разрушаются сами по себе, их разрушение есть неизбежное следствие разрушения их субстрата.

В заключении я остановлюсь на очень интересной полемической «пикировке», завершающей комментарий Шридахры. Его оппонент замечает, что коль скоро названные размеры – большой, малый, длинный и короткий взаимоотносятся, они не имеют отдельного существования. Эта позиция, как можно заметить, близка представлениям современного человека. Величина – понятие относительное и субъективное.

Споря с тем, что размеры не имеют независимого друг от друга существования, Шридхара впервые связывает величину с измерением. С его точки зрения, названные размеры не являются взаимозависимыми, поскольку и вещи, взятые по отдельности, и вещи, рассматриваемые относительно друг друга, измеряются одними и теми же единицами измерения, такими, как, например, витаси¹¹ (см. комментарий Шридхары). Взаимозависимость – это не зависимость друг от друга размеров или их субстратов, а наша собственная попытка сравнить величины на основании оценки размера их субстратов. В этом случае возникают такие сравнительные суждения, как «этот больше того» или «этот меньше того».

Тем самым вайшешик как бы различает две ситуации: ситуацию измерения, в которой различается то, *что* измеряют (измеряемое) и то, *чем* измеряют (измеряющее, единица меры); а также ситуацию сравнительной оценки размеров двух вещей, которая не обязательно связана с измерением этих вещей с помощью какой-то третьей вещи (единой меры). Но и в первом случае и во втором случае источник относительности кроется не в природе измеряемого или сравниваемого, а только в самой ситуации сравнения (с мерой, или с другой вещью). В этом смысле размеры вещей не являются относительными, относительно лишь наша их оценка (вспомним ситуацию с сравнением бильвы, лотоса и мираболана: мираболан меньше бильвы, но больше лотоса). В чем здесь относительность – прежде всего в переносном использовании термина «малого» применительно вещей, которые, с точки зрения вайшешики, имеют, в действительности, лишь «большую» величину – махат. Поэтому обозначения размеров у вайшешиков выступают не столько как понятия, сколько как технические названия, термины. Строго говоря, у них и песчинка «большая» и слон – «большой», все наблюдаемое – «большое», а «малое» – вообще непостижимо (доступно только йогическому восприятию).

Ясно, что подобная, с позволения сказать, система мер не имеет никакой практической и эвристической ценности. Ее единственное предназначение – служить обрамлению метафизической философии, главным для которой является четкое распределение ролей между эмпирическими явлениями и их вечными сверхэмпирическими принципами. Если смоделировать эту ситуацию на героях нашего мультфильма, то все они, с точки зрения вайшешики, в прямом, абсолютном смысле будут обладать «большим» ростом, но в переносном, эмпирическом смысле полагай предстанет маленьким по сравнению с обезьяной, слоном и уда

вом, обезьяна – маленькой по сравнению с слоном. Что же касается сравнительной оценки слона и удава, то на ней как раз и можно продемонстрировать разницу величины и длины (слон – большой, удав – длинный). Но вот вопрос – удовлетворило бы такое «наивное» решение наших любознательных зверей (а вместе с ними и нас), ищущих точную меру вещей?

Приложение.

Прашастапада

Падартха-дхарма-санграха¹²

[2.6. Раздел размера]

[148] Размер – [это] причина практики измерения. [149] Он четырех видов: малый (*adu*), большой (*mahat*), длинный (*dīrgha*) и короткий (*hṛasva*). [150] Из них большой – двух видов: вечный и невечный. Вечный – [это] предельно большой [рамер] акаши, времени, направления [и] атмана. Невечный же – [соединений атомов], начиная с триад. [151] Так же и малого [размера] два вида: вечный и невечный. Вечный у конечных атомов [и] у манаса. Он сферический. Невечный же [характеризует] диаду. [152] В отношении цветка голубого лотоса, мираболана, бильвы и т. п., хотя [они] и обладают большим размером, [тем не менее] в зависимости от наличия или отсутствия превосходства в этом (размере), [понятие] малости употребляется [в их отношении] в переносном смысле. [153] Длина и короткость присущи тому же объекту, что и произведенные малость и великость (*mahattva*). В отношении полена для разжигания огня, сахарного тростника, бамбука и т.п., хотя в действительности [они] длинные, [тем не менее] в зависимости от присутствия или отсутствия превосходства в этом (длине), [понятие] короткости употребляется [в их отношении] в переносном смысле.

[155] Невечный же четырехвидный [размер] имеет [своими] источниками: число, величину и агломерацию, или свободное соединение (*grasaṇa*). [156] Из них [трех способов образования размера] множественное число, возникшее в конечных атомах и диадах в зависимости от мысли Ишвары, производит в созданных ими (атомами и диадами) субстанциях-следствиях величину и длину одновременно с возникновением цвета и т.п. (качеств). В случае возникновения субстанции-следствия из двух, либо из множества больших [размеров], величины-причины порождают не множество, но величину; поскольку при том, что субстанция порождена тем же числом [частей, что другие субстанции, у нее] наблюдается превосходство [в раз

мере]. [157] Что касается агломерации (pṛasaṃ), существующей в случае двух ватных шаров (piṇḍa), то в двойном ватном шаре [она] порождает величину, а не множество и величину, поскольку либо зависит от неплотного (свободного) соединения частей, образующих шар, либо определяется [плотным] взаимным контактом частей [каждого из шаров] ваты. Ибо наблюдается превосходство [в размере одной субстанции], порожденной числом, весом (pala)¹³ и величиной частей, одинаковыми [с числом, весом и величиной частей другой субстанции]. А число два, существующее в двух атомах, порождает малость в диаде. [158] Возникновение длины в триадах и т.п., подобно [возникновению] величины, [обязано] числу, величине, агломерации однородных причин (т.е. частей-атомов). Возникновение короткости в диаде, подобно [возникновению] малости, [обязано] числу два. [159] Затем [возникает вопрос]: каково отличие друг от друга малости и короткости в диадах и, соответственно, величины и длины, существующих в триадах и т.п. [соединениях атомов]? Отличие друг от друга величины и длины существует, ибо наблюдается [их] различное употребление: длинного – в отношении великих невечных вещей и невечного большого – в отношении длинных вещей. [Существует] и отличие друг от друга малости и короткости, поскольку имеется [его] непосредственное восприятие у тех, кто способен его воспринимать (йогов). [160] Эти четыре вида продуктивны, они претерпевают разрушение только по разрушению их субстрата.

НК: Теперь автор описывает размер: **Размер** – [это] причина практики измерения. **Практика измерения (māna)** – это первоначальное познание малого, большого, длинного и короткого размеров и (соответствующих им) слов, его причина – размер; этим автор доказывает посредством следствия тому, кто придерживается противоположного мнения, существование (качества) размера, известного через непосредственное восприятие. <...>

Некоторыми сказано, что размер неотличим от субстанции, поскольку идея размера существует при познании субстанции. Это неверно. Поскольку при восприятии субстанции на расстоянии ее специфическая величина не познается. Поэтому даже большой размер ошибочно принимается за малый. Доказав таким образом существование размера, автор рассказывает о его разновидностях: **Он четырех видов** и т.д. Затем он объясняет, каковы эти четыре вида: **малый, большой, длинный и короткий**. То, что сверх четырех видов это разные конфигурации составляющих частей, а не размеры.

Пурвапакшин (оппонент): относительно длинного и т.п. размеров будет то же самое.

Сиддхантин (сторонник данной доктрины): Неверно. Поскольку наблюдаются, что, хотя на расстоянии нет восприятия конфигурации составляющих частей, тем не менее имеется идея длинного и т.п.

Пурвапакшин: Но все же, размер диады – малый, ибо в ней отсутствует причина производства большого размера, и поэтому размер атома меньше размера следствия (соединения двух атомов), поскольку наблюдается в мире, что величина причины меньше (величины следствия), поэтому размер атома отличается от размера диады. И по этой же причине размер акаши, достигший верхнего предела, совершенно отличен от размера горшка и т.п. вещей. То же самое относительно длинного и короткого размеров и в целом получается шесть (классов) размеров, почему же речь идет только о четырех?

Ответ: Автор отвечает на это: **Из них** и т.п. Значит, из этих четырех классов размеров большой – двух видов: вечный и не вечный. Теперь о том, каким субстанциям принадлежит вечный размер: **у акаши, времени, направления [и] атмана**. Он называется **предельно большим**. Невечный большой размер принадлежит соединениям атомов, начиная с триад, а не акаше, направлению и другим (всепроникающим субстанциям). Подобно тому, как большой размер имеет два подкласса, так же и малый размер двух видов: вечный и не вечный. В обоих случаях (союз «и») добавляется с целью исключить другие (классы размеров). Вечный малый размер пребывает в атомах и манасе, он вечен в силу отсутствия причины его возникновения. Наименьший размер называется «паримандала» («сферический»). Невечный малый размер пребывает только в диадах и нигде больше.

Этим объясняется это (то, что существует только четыре класса размеров). То есть размер атома – это только подкласс малого размера, а предельно большой – только подкласс большого, в противном случае не использовалось бы специфицирующее слово «предельно». Только тот размер, который при помощи цвета делает свой субстрат воспринимаемым, называется «большим», тот же, который не делает свой субстрат воспринимаемым, называется «малым». Из этого не следует, что триада обладает малым размером, так как она воспринимается. Восприятие триады и последующих соединений атомов, подобно восприятию горшка, определяется их производностью из множества присущих причин. То воспринимаемое, части которого не воспринимаются, – только это и есть триада.

Относительно размера акаши, хотя у последней отсутствуют основания для восприятия (цвет и множественность составных причин. – *В.Л.*), он все же относится к разряду большого, поскольку его субстрат, подобно размеру горшка, протяженнее, чем субстрат диады.

Пурвапакшин: Было сказано, что малый размер принадлежит только диаде. Но ведь известно, что слово «малый» используется и применительно к голубому лотосу, мираболану и бильве, когда говорится, что что-то из них меньше другого.

Ответ: **В отношении голубого лотоса, мираболана, бильвы и т.п. Наличие превосходства** в отношении бильвы, то есть правильность того факта, что у бильвы имеется превосходство в величине (по отношению к мираболану) и отсутствие этого превосходства в мираболане приводит к тому, что употребление слова «малый» по отношению к мираболану является переносным (вторичным). Вторичное (*bhāṅkta*) выводится из *bhakti*, то есть «разделяемого обоими», иначе говоря сходства, поэтому вторичное основано лишь на внешнем сходстве, а значит, второстепенно. Точно также, ввиду отсутствия в лотосе превосходства в величине по отношению к мираболану, к нему применяется слово «малый». Что же касается прямого смысла «малого» размера, то он имеет отношение к диаде в силу того, что в ней наблюдается отсутствие «большого» размера. «Большой» размер бильвы отсутствует в амалаке, поэтому речь идет об переносном или фигуративном употреблении слова «малый», основанном на внешнем сходстве.

Далее разговор пойдет об особенностях длины и короткости: **Длинность и короткость** и т.д. **Произведенные малость и великость**, то есть малость и великость, которые произведены (невечны). **Тому же объекту, что и они**, присущи длинность и короткость, то есть в тех же триадах и других соединениях атомов, где производится величина, там же производится и длина, в тех же диадах, где производится малость, в них же производится и короткость.

Некоторые считают, что поскольку атом обладает сферическим размером (паримандала), он не имеет короткости, а у акаши отсутствует длинность¹⁴. Другие полагают, что, подобно тому, как в словесной практике используются выражения «предельно малый (атом)» (*paramāṇu*) и «предельно большой» (*paramahat*), так же используются выражения «предельно короткий» и «предельно длинный», то есть «предельная короткость» в отношении атомов и «предельная длинность» в отношении акаши. Акаша является субстратом длинного размера по той причине, что она является

субстратом «большого» размера, а атом является субстратом короткого размера по той причине, что он является субстратом «малого» размера.

В ответ на это автор говорит: **В отношении полена для разжигания огня, сахарного тростника и бамбука** и т.п. Хотя в действительности эти предметы характеризуются длиной, тем не менее о них говорят как о коротких в переносном смысле, поскольку превосходство размера, то есть реальность превосходства длины, наличествующая в бамбуке и отсутствующая в сахарном тростнике, способствует тому, что в отношении последнего имеет место переносное употребление смысла слова. Точно так же превосходство длины, наличествующее в сахарном тростнике и отсутствующее в полене для разжигания огня, способствует употреблению (переносного смысла) короткости. В действительности же, короткость свойственна только диаде, ибо в ней отсутствует длинность. Поэтому о сахарном тростнике говорят как о коротком только на том основании, что у него нет длины бамбука.

Пурвапакшин: Почему употребление слова «короткий» по отношению к этим вещам не рассматривается как истинное (прямое)?

Сиддхантин: Оно не рассматривается как прямое, поскольку в отношении этих же вещей наблюдается употребление слова «длинный», зависящее от чего-то другого, и очевидно, что одна и та же вещь не может непротиворечиво (yuktam) обладать обеими противоположными размерами – длинным и коротким.

Пурвапакшин: Тогда почему употребление длинного не будет «косвенным»?

Сиддхантин: Это невозможно, поскольку отсутствует причина его возникновения.

Пурвапакшин: Пусть тогда все случаи употребления слова «короткий» будут носить переносный, вторичный характер.

Сиддхантин: Неверно – при возможности прямого употребления переносное нецелесообразно.

Теперь автор описывает причину произведенного размера: **Невечный же четырехвидный [размер]** и т.д. Невечный же четырехвидный размер, то есть длинное, короткое, большое и малое имеют своими источниками число, величину и аггломерацию, то есть число, величина и аггломерация являются причинами невечного большого размера. Он говорит о причине, которую представляет собой число: **Из них множественное число** и т.д. Диада, образуемая из двух атомов, называется *параманудвьянука* – «атомная диада», наличествующее в каждой из трех таких диадах качество «один»

образует, благодаря соотносительному познанию Ишвары, число «три», оно же порождает в субстанции-следствии, состоящей из трех диад и имеющей форму триады, величину и длину, одновременно с появлением цвета и т.п. качеств. Слово «iti» добавлено с целью исключить другую причину большого размера, а слово «и т.п.» – в выражении «триады и т.п.» с целью включить тетрады и другие соединения атомов.

Вопрос: Откуда эта уверенность в том, что размер триады имеет своей неприсущей причиной множественное число, содержащееся в диадах?

Ответ: Поскольку другой причины быть не может. Подобный размер не может быть порожден присущими диадам качествами цвета, вкуса, запаха, единичности, отдельности, тяжести, текучести и вязкости. Эти качества, присущие причине, в следствии могут быть порождены только качествами одного с ними класса, поскольку так наблюдается. Поэтому если диада обладает малым размером, то размер триады тоже должен быть малым, а не большим, ибо размер порождает размер только своего класса. Но в действительности, в ней (триаде) присутствует величина (великость), ввиду ее составленности из частей, что составляет ее сходство с горшком. Но следствие не возникает без неприсущей причины – и в другом месте уже было показано, что в отношении двух субстанций, сделанных из частей одинакового размера, если одна из них превосходит другую по величине, то это так благодаря разнице в числе частей, – поэтому число наделяется силой причинения.

Можно предположить, что причиной размера триады является соединение (*saṃyoga*) диад, но и в этом случае причиной все равно останется множественное число соединений и таким образом, отличая известное от неизвестного, мы приходим к тому же заключению – причиной размера является множественность. Число три, зависящее от мысли Ишвары, имеет источником своей устойчивости *адришты*, его уничтожение следует из уничтожения адришты, а последнее не может быть обязано разрушению субстрата адришты – мысли Ишвары, ибо она вечна.

Далее автор объясняет каким образом из большого производится большое: **В случае возникновения субстанции-следствия из двух либо из множества больших [размеров] и т.д.** В субстанции-следствии, произведенной из двух, либо из множества составляющих частей, воспринимаемая величина (махаттва) следствия возникает только из величины причин. В случае составленности субстанции из двух крупных частей, не объединенных в единое

целое, возникновение величины (этого целого) обязано только величине названных частей, так как здесь нет ни множественности, ни агломерации. Если же следствие составлено из множества больших частей, то величина целого определяется величиной частей, а не множественным числом. Когда же две субстанции произведены из равного числа частей, но в одной части грубые, а в другой – тонкие, то у первой субстанции будет наблюдаться превосходство в величине и таким образом здесь нет зависимости от числа частей-причин, поскольку оно одинаково. Но в случае, когда две субстанции образованы частями одной величины и число частей в одной субстанции больше числа частей в другой, то в первой наблюдается превосходство в величине; в этом случае число частей должно считаться причиной, иначе нельзя будет объяснить разницу в следствиях. Но если субстанции произведены одинаковым числом частей одинаковой величины, то возникновение величины может быть обязано обоим, ибо каждой из них – по наблюдению – свойственна сила причинения – мы не наблюдаем различия между ними в этом смысле. Так поясняют одни.

Другие считают, что только величина является причиной, мотивируя тем, что коль скоро можно найти однородную причину возникновения следствия, было бы неверно предполагать неоднородную.

Далее автор говорит об агломерации: **и аггломерация**. Аггломерация – это особое, очень свободное (*praesithila*) соединение частей, образующих субстанцию. Если субстанция образована из двух равных частей, представляющих собой два шарообразных куска ваты, то каждый из них зависит от свободного соединения этих кусков, дающих начало (двойной) субстанции, или же от свободного соединения между собой частей обоих кусков. Это (аггломерация) и производит величину в двойной субстанции.

Если соединение двух кусков носит слабый характер, а соединение их частей тоже слабое, то в субстанции, образуемой этими кусками, наблюдается превосходство в величине по сравнению с субстанцией, куски которой состоят из частей плотно соединенных друг с другом и поэтому образующих плотное соединение в произведенной ими субстанции. Причиной (большей) величины здесь будет слабое соединение двух кусков, зависящее от слабого соединения частей, составляющих эти куски.

Если же контакт двух кусков является слабым и взаимное соединение частей этих кусков тоже слабым, а составляющие части кусков не слабые, то у субстанции, образуемой этими двумя кус

ками, будет наблюдаться превосходство в величине по сравнению с субстанцией, произведенной в результате плотного соединения двух кусков, определяемого плотным соединением их составляющих частей. Таким образом причины величины этих двух субстанций будут отличаться друг от друга.

Пурвапакшин: Тогда каким образом в данных примерах не признается упоминаемая ранее способность множественности и величины служить причиной величины?

Сиддхантин: **а не множество и величину.** Множество – то, что определяется разнообразием (bheda) объектов. Если по причине специфического характера аггломерации она определяет разницу в размере, в этом случае причиной этой разницы не могут быть ни множество, ни величина. Вот доказательство: **Ибо наблюдается превосходство [в размере одной субстанции], порожденной числом, весом и величиной частей, одинаковыми [с числом, весом и величиной частей другой субстанции]. Число, вес и величина** – при одинаковых числе, весе и величине в следствии, образуемом ими, наблюдается превосходство в величине. Если бы число было единственной причиной (разницы в величине), то при равном числе частей – три или четыре, даже если бы из двух субстанций у одной было бы слабое, а другой – плотное соединение частей, у той, у которой слабое соединение частей, не наблюдалось бы превосходства в величине по сравнению с той, у которой соединение носило плотный характер. Поскольку при одинаковом числе в обоих случаях было бы равенство в величине. Точно так же, если бы величина была единственной причиной, то при равной величине, независимо от того, прилегают ли части, дающие начало субстанции, друг к другу плотно или не плотно, у той субстанции, у которой они прилегают неплотно, не будет превосходства в величине по сравнению с субстанцией, у которой они прилегают друг к другу плотно. Но в действительности, между ними есть разница, посредством этого мы должны заключить, что причиной (разницы в величине в упомянутых случаях) не являются ни число, ни величина, (а лишь характер соединения частей).

Когда одна субстанция составлена из плотно прилегающих малых частей, а другая из свободно прилегающих больших частей, у той, что составлена из больших свободно прилегающих частей, будет наблюдаться превосходство в размере, и в этом случае причиной (разницы в величине) являются величина и аггломерация. Если же одна субстанция составлена из одинаковых по величине свободно прилегающих частей, а другая – из большего чис

ла плотноприлегающих частей такого же размера, то у той субстанции, у которой части соединены свободно, будет наблюдаться превосходство в размере по отношению к той субстанции, у которой большее количество частей; причиной (разницы в размере) будет и число и аггломерация. Когда одна субстанция составлена из малого числа тонких, плотно прилегающих друг к другу частей, а другая – из большего числа грубых свободно прилегающих частей, то наблюдаемую разницу в величине следует приписать сразу трем причинам.

Тому, кто полагает, что субстанции должны подлежать измерению с помощью весов, поскольку именно меры веса палы, причины, определяющие вес, являются причиной возникновения размера, а не большая величина, ему, придерживающемуся такого мнения, (автор говорит): не следует предполагать, что палы как меры веса обладают каузальной силой (в производстве величины), такое предположение будет противоречивым. По собственному же мнению автора, меры веса не имеют каузальной силы.

А число два, существующее в двух атомах, порождает малость в диаде. Против того, кто желает, чтобы возникновение размера в диаде зависело от размера двух атомов, действителен вывод о предельной малости диады, который уже приводился ранее и теперь должен примениться вновь. В дополнении к этому (еще один аргумент): у размера вечных субстанций отсутствует причинная сила. Размер атома не может произвести никакого другого размера, поскольку является размером вечной субстанции, как и размер акаши, или потому, что является малым размером, как и размер манаса.

Далее автор говорит о возникновении длины: **подобно [возникновению] величины.** Так же как величина производится числом составляющих причин, однородной величиной причин и аггломерацией, длина во всем подобна величине. Также и в отношении короткости в диаде, автор говорит, что ее присущей причиной является число два: **Возникновение короткости в диаде, подобно [возникновению] малости, [обязано] числу два.**

Вопрос: Каким образом из одной причины возникают разнообразные следствия?

Ответ: В силу различий специфических адришт, содействующих возникновению размеров.

Высказывается мнение, что длина есть разновидность величины, а короткость – разновидность малости: Затем [возникает вопрос]: каково отличие друг от друга малости и короткости и т.д. Автор утверждает: Отличие друг от друга величины и длины су

существует. Если бы не было различия между длиной и величиной, то в отношении длинных вещей не было бы таких выражений как «пусть они оба принесут большую вещь», в силу их неразличимости. Точно также в отношении вещи, имеющей форму и цвет (гīра), не употребляется выражение: «пусть они принесут окрашенную вещь или вещь, имеющую форму». Поэтому длина и величина различаются между собой.

Пурвапакшин: Размер субстанции проникает ее целиком, но невозможно, чтобы у одной субстанции было два размера (длинный и большой).

Сиддхантин: Нет противоречия в том, что две разнородные вещи пребывают в одном и том же субстрате.

Пурвапакшин: При отличии друг от друга соответствующих родов «темно-синего» и «желтого» не наблюдается, чтобы они встречались в одном и том же субстрате.

Сиддхантин: Те, что не наблюдаются, значит, не существуют, но в том, что касается длины и величины, они имеют совместное существование, что доказывается познавательным опытом всех людей; невозможно наблюдать то, что никак не проявляется.

Что же до короткости и малости, пребывающих в диадах, то автор говорит, что их различие воспринимается непосредственно йогами: **[Существует] и отличие друг от друга малости и короткости, поскольку имеется [его] непосредственное восприятие у тех, кто способен его воспринимать (йогов)**. Что же касается нас и подобных нам других (обычных) людей, то из различия короткости и малости в вторичном, переносном смысле выводится их различие и в первичном смысле.

Эти четыре вида размеров уничтожаются только посредством разрушения их субстратов и никак иначе – таково правило. Выражение «продуктивность» призвано исключить предельно малый, предельно короткий, предельно великий и предельно длинный размеры.

Пурвапакшин: Великость и малость, длина и короткость употребляются взаимоотнонительно, поэтому они не имеют независимого существования.

Сиддхантин: Не наблюдается различий размера вещи в изолированном положении и вещи, взятой в ее зависимости от других вещей, (тот и другой) измеряются рукой, мерой витасты и т.п. другими мерами, поскольку отсутствие такого результата грозит противоречиями. Каков в этом случае смысл взаимозависимос

ти? Смысл взаимозависимости заключается в ясной идее присутствия или отсутствия превосходства в отношении размеров, достигнутых на основании оценки каждого из этих субстратов. Знанием этих размеров объясняются такие выражения, как «этот длинее того», «а этот короче».

Литература

- BHADURI – Bhaduri Sadananda
1947 – Studies in Nyāya-Vaiśeṣika Metaphysics. Bhandankar Oriental Research Institute, Poona.
- ГАДЖЕНДРАГАДКАР – Gajendragadkar Veena
1988 – *Kaṇāda's Doctrine of the Padārthas, i.e. Categories. (ŚGDOS 49)* Delhi: Śrī Satguru Publications.
- ДЖХА – Jha Ganganath
1982 – *Padārthadharmasamgraha of Praśastapāda*. Translated into English G.Jha. CO 4. Delhi-Varanasi (reprint Pandit 1903-1915).
- 1919 – *The Nyāya sūtras of Gautama with Vātsyāyana's Bhāṣya and Uddyotakara's Vārttika*. ITS 12. Vol.1-4. Ahmedabad.
- КАННУ ПИРУ – Kannu Peeru S.
1992 – *The Critical Study of Praśastapādabhāṣya*. Delhi: Kaniṣka Publishing House.
- ЛЫСЕНКО Виктория Георгиевна
1986 – «Философия природы» в Индии. Атомизм школы вайшешики». М.: «Наука». Восточная литература.
- 1994а – «"Atomistic Mode of Thinking" as Exemplified by the Vaiśeṣika Philosophy of Number». – *AS/ ЁА*, XLVIII, 2: 781-806.
- МИШРА – Mishra Umesh
1936 – *Conception of Matter According to Nyāya-Vaiśeṣika*. Allahabad (reprint Delhi 1987).
- НАРАЙН – Narain Harsh
1976 – Evolution of the Nyāya-Vaiśeṣika Categoriology. Vol. I. Early Nyāya-Vaiśeṣika Categoriology. Varanasi, Bharati Prakashan.
- ОСТРОВСКАЯ Елена Петровна
1989 – *Аннамбхатта. Тарка санграха. Тарка-дипика*. Пер. с санскрита, введение, комментариев и историко-философское исследование Е.П.Островской. (Памятники письменности Востока XXXIV). М.: «Наука». Восточная литература.
- ПОТТЕР – Potter Karl
1977 – Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. 2. The Tradition of Nyāya-Vaiśeṣika up to Gaṅgeṣa. Princeton: Princeton University Press.
- ФАДДЕГОН – Faddegon Barend
1918 – *The Vaiśeṣika System Described with the Help of the Oldest Texts*. Verhandelingen der Koninklijke Academie van Wetenschappen te Amsterdam. Afdeling Letterkunde. Nieuwe Reeks, deel 18, no. 2. Amsterdam.
- ХАЛЬБФАС – Halbfass Wilhelm
1992 – On Being and What There Is. Classical Vaiśeṣika and the History of Indian Ontology. Albany: SUNY Press.

Примечания

- ¹ Перевод дается в Приложении.
- ² Их вайшешики различали девять основных видов: земля, вода, огонь, ветер, акаша (пространство, эфир), время, направление (диш), атман (душа), манас (психический орган, координирующий деятельность чувств).
- ³ О концепции числа вайшешики см. Лысенко 1994.
- ⁴ [235] Оно [чувственное восприятие] возникает в отношении субстанции и других категорий. Прежде [в отношении] субстанций трех видов (земли, воды и огня); когда они обладают воспринимаемым размером (mahat) возникает только постижение [их] собственной формы, [обусловленное:] множеством составляющих субстанций [-частей], проявленным цветом, освещенности и познавательному контакту – санникарша – четырех [факторов], при наличии всей группы каузальных факторов (samāgri), таких как дхарма и т.п.
- ⁵ Лат. название этого дерева *Aegle Marmelos*.
- ⁶ Впрочем, это точка зрения Прашастапады, защищаемая его комментаторами. Среди вайшешиков встречались мыслители, которые считали короткость и длину тоже вечными величинами. С ними-то и спорит Шридхара (см.).
- ⁷ См. ВСЧ 7.1. 15-26. В них утверждается, что малость невоспринимаема органами чувств, тогда как величина воспринимаема; длина и величина произведены множественностью причин, малое является противоположностью большого, сравнительные суждения «меньше – больше» относительно того же самого объекта зависят от наличия или отсутствия отличия в размере сравниваемых вещей (то, что Прашастапада называет «превосходством (в размере)», малость не существует в малости, а величина – в величине).
- ⁸ Индийские космогонии, в которых участвует некое высшее начало, ни в коей мере не являются креационистскими. Вселенная не создается «из ничего», не творится в абсолютном смысле, как в Библии. Речь идет о ее создании из некоего уже имеющегося «материала». Как правило, этот «материал» представляет собой нечто неопределенное (araketā), неорганизованное, беспорядочное, хаотическое (anṛta), ассоциирующееся с тьмой (tamas), небытием (asat), не бытием и не небытием (satasat), смертью (mṛtyu), ночью (nātri). Часто это охваченные тьмой воды (salila). Но даже asat не понимается как простое отсутствие бытия, ничто. Это скорее первичный хаос, который должен быть неизбежно (но чаще всего «по желанию») некоего высшего существа) преобразован в космос – упорядоченное и организованное целое (ṛta), стоящее во главе цепочки ассоциаций прямо противоположного характера: бытие (sat), истина (satya), свет (tejas), день (ahar) бессмертие (amṛtya) и т.д. Таким образом, функция Высшего начала (каким бы оно ни было) заведомо не сводится к роли Творца в креационистском смысле. Это по преимуществу роль Деминурга, который конструирует мир из уже имеющихся элементов. Космогоническое действие состоит таким образом не столько собственно в творении, сколько в правильном разделении и распределении, упорядочивании, организации этих элементов.

- ⁹ Адришты во всей своей совокупности являются «хранителями» определенного образа мира и именно этот образ, «эйдос мира», они «запечатлевают» во всех атманах, те же, соединяясь с атомами, дают первотолчок к «материализации» его в элементах материально-психической структуры космоса (телах, органах чувств и великих элементах). Тем самым, прежде чем атманы воплощаются в конкретные тела, усилиями адришт воспроизводится общая инфраструктура вселенной, как бы готовится сцена, на которой будет разыгрываться драма ее обитателей.
- ¹⁰ Поздний автор Аппая Дикшита так и рассуждает, предполагая, что длина тела имеет отношение к линейному, а величина – к трехмерному расположению его составляющих частей (цит. по Бхадури: Бхадури 1947: 118).
- ¹¹ Максимальное расстояние между большим пальцем и мезинцем, или между запястьем и кончиками пальцев, равняется приблизительно 9 дюймов.
- ¹² Перевод текста ПБ сделан с издания: Word Index to the Praśastapādabhāṣya. A complete Word Index to the Printed Editions of the Praśastapāda. Ed. by J. Bronkhorst and Yves Ramseier. Delhi, 1994 (это, строго говоря, не издание текста, но поскольку там использованы все существующие издания и текст снабжен очень удобной индексацией, я считаю, что оно может служить неким аналогом критического издания): «Ньяякандали» с издания: *Praśastapādabhāṣyam with the Commentary Nyāyakandaṭī of Śrīdhara*. Ed. by Vinধ্যesvan Prasad Divedin. India: Śrī Satguru Publications, 1984 (reprint of 1895).
- ¹³ Пала (pala) обычно считается мерой веса (равной 4 karṣa) или времени (7/60 ghaṭi).
- ¹⁴ Поскольку она является всепроникающей.